

N. K. NARAIN, *The Indo-Greeks*, Oxf., 1957, 201 + XVI стр., VI табл.

История греко-бактрйских и греко-индийских правителей неоднократно была предметом тщательных и разносторонних исследований. Одной из наиболее фундаментальных работ в этой области является исследование В. В. Тарна, которому, однако, присущи ряд серьезных недостатков¹. Круг источников, используемых при разработке этого исторического периода, за последнее время не увеличился сколько-нибудь значительно. Лишь монетные находки и, в первую очередь кундузский клад² и очень ценный комплекс Мир-Закаха у Газни позволяют по-новому осветить ряд частных во-

---

⁵ Статья Д. М. Пишпиди помещена в SCIV, 1955, № 3-4,¹ и рассмотрена в предыдущем обзоре.

¹ W. W. T a r n, *The Greeks in Bactria and India*, Cambr., 1951. Критику концепции В. Тарна см. С. П. Т о л с т о в, *Подъем и крушение империи эллинистического Дальнего Востока*, ВДИ, 1940, № 4.

² A. D. H. B i v a r, *The Bactrian Treasure of Qunduz*, «Numismatic Notes and Monographs of the Numismatic Society of India», № 3, 1955.

просов политической истории³. Раскопки же городских поселений III—II вв. до н. э., которые должны пролить свет на многие вопросы внутренней жизни греко-бактрийских и греко-индийских политических образований, к сожалению, еще не развернуты в должном масштабе. Как известно, Таксила, где изучен главным образом город I в. до н. э. — I в. н. э., мало что дает для понимания городской жизни Гандхары III—II вв. до н. э. Этот же хронологический отрезок остался в тени и при раскопках Беграма-Каписы в Паропамисадах. Работающую в Афганистане французскую археологическую миссию лишь в последние годы начинает покидать ничем не оправданный антибактрийский скептицизм, но в изучении Бактрии еще сделаны лишь первые шаги; при хронологическом членении материала зарубежные археологи пользуются схемой, выработанной для северной Бактрии М. М. Дьяконовым⁴.

В этих условиях с тем большим интересом читается книга А. Нарайна. Автор, прекрасно владеющий западными и восточными источниками, является также и наблюдательным нумизматом. В совершенстве владея материалом и вместе с тем весьма трезво подходя к широко распространенным в литературе мнениям, А. Нарайн сумел в целом ряде случаев по-новому и достаточно убедительно осветить проблемы и события, неоднократно дискутировавшиеся в специальной литературе.

Свою тему А. Нарайн рассматривает как часть политической истории древней Индии, и этот лейтмотив проходит через все его исследование иногда в ущерб другим темам, в частности теме греко-бактрийской. В небольшой первой главе (стр. 1—11) автор останавливается на вопросе о греческом населении в Гандхаре и соседних областях еще в период до прихода к власти Диодота Бактрийского. Как известно, здесь были в обращении афинские тетрадрахмы, вызвавшие ряд местных подражаний, и монеты некоторых других греческих городов. Видимо, в этот же период здесь появились и первые греческие переселенцы, например, торговцы или жители, выселенные со своей родины Ахеменидами. А. Нарайн отмечает, что нет необходимости, как это делает В. Тарн, приписывать Селевкидам грандиозную переселенческую политику на востоке. «Греки» в Бактрии могли быть потомками более ранних поселенцев, уже смешавшихся с местным населением (стр. 6). Вполне верная мысль выражена здесь А. Нарайном недостаточно четко. Дело заключается не в том, чтобы «отодвинуть» греческую колонизацию к V—IV вв. до н. э., а в том, что под «греками» следует понимать не только греческих и эллинизированных колонистов, переселение которых доставляет столько затруднений В. Тарну, а в значительной мере и эллинизированное местное население — бактрийцев, согдийцев, арахосийцев и т. д. Начало этой эллинизации относится еще к периоду господства Ахеменидов; Александр широко привлекал местную знать в свою армию. Именно к эллинизированной части населения Арахосии (включая сюда, конечно, колонистов — «настоящих эллинов») обращена греческая версия декрета Ашоки, недавно открытого около Кандагара⁵. Едва ли следует привлекать мифы о Дионисе, связанные с распространением топонима «Ниса», как свидетельство греческой колонизации в Индии (стр. 2).

Вторая глава рассматриваемой книги посвящена раннему периоду истории Греко-Бактрии (стр. 13—45). А. Нарайн подвергает сомнению тезис о постепенном усилении независимости селевкидского сатрапа в Бактрии — Диодота и предлагает видеть в монетах с его именем чекан двух разных правителей — Диодота I и Диодота II (стр. 16—17). Эта попытка малоубедительна, и в силе остается положение П. Гарднера о том, что все монеты с именем Диодота выпущены одним правителем⁶. Небольшое

³ R. Curiel, D. Schlumberger, *Le Trésor de Mir Zakah*, MDAFA, XIV, 1953.

⁴ J.-C. Gardin, *Céramiques de Bactres*, MDAFA, XV, 1957; F. R. Allchin, *The Cultural Sequence of Bactria*, «Antiquity», XXXI (1957), № 123.

⁵ F. Altheim, R. Stiehl, *The Aramaic Version of the Kandahar Bilingual Inscription of Aśoka*, «East and West», 1958, № 2.

⁶ P. Gardner, *The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India*, L., 1886, стр. XXI.

различие, наблюдаемое в изображении монарха на отдельных экземплярах, должно быть отнесено за счет различной степени мастерства резчиков штампов. Поскольку, по мнению А. Нарайна, Диодот II на монетах изображен человеком старше 50 лет, следует ожидать, пишет автор, что он умер около 235 г. до н. э. (стр. 18). Подобные расчеты всегда крайне субъективны и едва ли на них следует опираться в вопросах хронологии. Столь же условен и расчет, приводящий А. Нарайна к заключению, возможно справедливому, но труднодоказуемому, что Евтидем умер около 200 г. до н. э. (стр. 22). Отметим, что нумизматические данные свидетельствуют в пользу того, что до низвержения Диодота Евтидем был скорее правителем Согда⁷. Убедительна и справедлива критика А. Нарайном вывода В. Тарна о том, что Евтидем отнял у парфян Аставену, Апаварктикену и чуть ли не часть самой Парфиены (стр. 23).

Значительное внимание А. Нарайн уделяет наследнику Евтидема, Деметрию, роль которого как завоевателя, чуть ли не превзошедшего Александра Македонского, чрезмерно преувеличена В. Тарном. Завоевание Деметрием Арахосии не вызывает сомнений: здесь, согласно Исидору Харакскому, находился город Деметрия, а монетные типы Деметрия и Евтидема были использованы индо-сакскими правителями Арахосии. Но уже в районе Кабула монеты Деметрия не встречаются, а в Таксиле найдена лишь одна монета этого правителя (стр. 30—31). Наличие Деметрии в Синде, по мнению А. Нарайна, не подтверждается анализом источников: это место является поздней интерполяцией (стр. 39—40). В заключение А. Нарайн приходит к выводу, что Деметрием, сыном Евтидема, не были осуществлены в Индии сколько-нибудь значительные завоевания (стр. 43). Следует отметить, что А. Нарайн, несколько увлекшись критикой концепции В. Тарна, придает чрезмерное значение негативной характеристике деятельности Деметрия. Каковы бы ни были преувеличения, допущенные Тарном, нельзя забывать о прямом указании Страбона (XI, 11,1), что именно Деметрием, сыном Евтидема, совершен в Индии целый ряд завоеваний. Можно согласиться с А. Нарайном, что не обязательно границы владений эллинов в Индии, указанные Страбону, являются границами именно царства Деметрия (стр. 36), но не следует отрицать ту подлинную роль, которую этот правитель все-таки сыграл в расширении южных границ Греко-Бактрии. Надуманной является попытка А. Нарайна объявить Деметрия, сына Евтидема, совершившего, по Страбону, ряд завоеваний в Индии, и Деметрия, царя Индии, с которым, по Юстину (XLI, 6, 4), сражался Евкратид, двумя разными лицами (стр. 37). Скорее всего и сравнительно редкие монеты с двуязычной легендой также принадлежат именно Деметрию, сыну Евтидема, а не некоему Деметрию II.

Третья глава книги А. Нарайна посвящена распространению власти греко-бактрийских правителей на Гандхару и Паропамисады. Несомненно, что со смертью Евтидема начинается период, характеризующийся весьма сложной политической картиной. Наряду с объединениями, возглавлявшимися крупными правителями, существовал целый ряд эфемерных владений и властителей. Основным источником, имеющимся в распоряжении исследователей, является нумизматический материал, значительно пополнившийся за последнее десятилетие. Одним из крупных правителей, не связанных, видимо, ни с династией Диодота, ни с Евтидемидами, был Антимах I Теос. По мнению А. Нарайна, он правил в восточной Бактрии, а затем продвинулся в район Кабула (стр. 48—49). Находки монет Антимаха I Теоса в Средней Азии⁸ и Северном Афганистане (в кундузском кладе 14 монет Антимаха), так же как и сам тип этих мо-

⁷ Именно различные типы монет Евтидема вызвали в Согде многочисленные подражания. См. В. М. М а с с о н, Денежное хозяйство древней Средней Азии, ВДИ, 1955, № 2, стр. 42—43.

⁸ Б. Н. К а с т а л ь с к и й, Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма — модель Антимаха I, ВДИ, 1940, № 3-4. Следует отметить, что Б. Н. Кастальский ошибочно считал тетрадрахму Антимаха I с изображением на аверсе Евтидема I неизданной. Монета этого типа была опубликована Р о у с о м, NC, 1899, стр. 107—108, табл. VIII, 9.

Таблица А. Парайна с дополнениями рецензента

Районы	Группы правителей				
	I	II	III	IV	V
К сев. от Гиндукуша		Филоксен	Лисий Теофил	Евкратид II Архебий Антиалкид Аминта Гермей	
Долина Кабула	Аполлодот	Филоксен	Лисий	Архебий Гелиокл II Антиалкид Аминта Гермей	Певколай
Газни	Стратон I (25) Аполлодот (587)	Филоксен (27) Антимах II (133)	Лисий (31) Зоил I (20)	Архебий (97) Антиалкид (124)	
Западная Гандхара	Стратон I Аполлодот	Антимах II Филоксен Никий Гипострат	Теофил	Антиалкид Диомед Аминта Гермей	Артемидор
Сват	Аполлодот	Антимах II	Зоил I		
Таксила	Стратон I (9) Аполлодот (1)	Филоксен (13) Гипострат (6)		Антиалкид (15) Телеф (2) Гермей (30+263)*	
Джамму-Свалкот	Стратон I Аполлодот Зоил II Дионисий Аполлофан Стратон II				

* Большинство монет с именем Гермея (263), возможно, выпущены не Гермесом, а каким-то местным владетелем.

нет, действительно, свидетельствуют в пользу того, что этот правитель был скорее всего связан с какими-то районами Бактрии. Распространенная в литературе точка зрения, что Антимах был правителем Маргианы, не находит себе подтверждения в нумизматических материалах. Если оригинальные монеты квадратной формы, найденные, в частности, в Мир-Закахе⁹, принадлежат Антимаху I, а не II, то их выпуск может свидетельствовать о каком-то продвижении Антимаха Теоса к югу от Гиндукуша.

Одним из наиболее убедительных мест книги А. Нарайна является критика теории В. Тарна о селевкидском происхождении Евкратиды (стр. 54—57). Совершенно верно, что Антиоху IV было не до сомнительных восточных авантур: Селевкиды, темные Парфией и Римом, находились между двух огней (стр. 56). Прав А. Нарайн, когда он говорит, что захвативший в результате восстания власть Евкратид, рожденный царевной, выпустив монеты в честь своих родителей, пытался этим подкрепить свои права на трон (стр. 57). О распространении владений Евкратиды к югу от Гиндукуша свидетельствует его обильный двуязычный чекан, но едва ли можно согласиться с А. Нарайном, когда он пишет, что Евкратид, видимо, не пытался распространить свою власть на Бактрию, поскольку находки его монет в Бактрии весьма редки (стр. 59). При раскопках в северной Бактрии монеты Евкратиды встречаются сравнительно часто¹⁰, а его оболы даже явились исходным типом для серии местных подражаний¹¹. Сами оболы Евкратиды широко представлены в собраниях среднеазиатских музеев. Наконец, единственный клад греко-бактрийских монет, найденный около г. Китаба, в основном состоял из монет Евкратиды¹². В Бактрии существовал город, носивший имя Евкратиды (Strabo, XI, 11,2; Ptol., VI, 11). Поэтому можно считать, что Бактрия, в том числе и ее замударьинские районы, входила в состав владений Евкратиды, одного из могущественнейших греко-бактрийских правителей.

В своем продвижении на юг Евкратид, по мнению А. Нарайна, потеснил Агафокла, наличие у которого таксильского чекана является одним из несомненных фактов греко-индийской нумизматики. Следуя тексту Юстина, А. Нарайн считает, в отличие от надуманной конструкции В. Тарна, что Евкратид был убит своим сыном (стр. 70), но не Гелиоклом, носившим титул *δίκαιος*, а Платоном (стр. 72). Едва ли в данном случае исследователей должен смущать титул Гелиокла, на психологическую оправданность которого указывала К. В. Тревер¹³.

Исследователями часто привлекается оглавление 41 книги Помпея Трога, в котором упоминаются Аполлодот и Менандр. В существующих изданиях соответствующее место выглядит следующим образом: *Indicae quoque res additae gestae per Apollodotum et Menandrum, reges eorum*. А. Нарайн установил, что первоначально здесь

⁹ C u r i e l, S c h l u m b e r g e r, ук. соч., стр. 85—86. Судя по тому, что на реверсе этих монет помещена одна греческая легенда в отличие от двуязычных монет Антимаха II, возможно прав Р. Уайтхэд, отнесший данные монеты к выпуску Антимаха I Теоса (R. V. W h i t e h e a d, Notes on the Indo-Greeks, NC, 1940, стр. 104).

¹⁰ М. Е. М а с с о н, Неопубликованные находки греко-бактрийских монет, зарегистрированные на территории Таджикской ССР до 1947 года, «Сообщ. Тадж. ФАН СССР», вып. VIII (1949), стр. 43; М. М. Д ъ я к о н о в, Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадан), МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953, стр. 275.

¹¹ М. М. Д ъ я к о н о в, Работы кафирниганского отряда, МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950, стр. 171—174.

¹² М. Е. М а с с о н. Монетные находки в Средней Азии в 1917—1927 гг. «Известия Средазкомстариса», вып. III, Ташкент, 1928, стр. 284. В состав клада, содержащего около ста монет, кроме монет Евкратиды, входило несколько оболы и драхм Дементрия и две монеты Антимаха I. Возможно, в число владений Евкратиды входил и кашка-дарьинский Согд, отличающийся в этом отношении от бухарского Согда, где начинается выпуск собственной монеты по типу тетрадрахм Евтидема.

¹³ К. В. Т р е в е р, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, стр. 9, прим. 4.

вместо имени Аполлодота стояло имя Аполлодора и что существующий текст является конъектурой издателей. Поскольку среди греко-индийских правителей Аполлодора нет, А. Нарайн предполагает, что речь идет об известном историке Аполлодоре (Strabo, XV, 1, 3; XI, 11, 1) и предлагает восстановить первоначальный текст оглавления следующим образом: *Indicae quoque res gestae additae ex Apollodoro per Menandrum regem eorum* (стр. 67). Однако подобная реконструкция предполагает слишком значительные изменения и едва ли может быть принята. Насколько можно судить по обильному чекану, Аполлодот Сотер был сравнительно крупным правителем и вполне вероятно, что внесенное издателями в оглавление Трога изменение является верным.

В сравнительно короткой четвертой главе («Расцвет греко-индийского владычества», стр. 74—100) по существу рассматривается один Менаандр. Нам кажется, что с полным правом в эту главу можно было включить и правление Евкратиды. А. Нарайн полагает, что помимо Гандхары власть Менаандра распространялась на Паропамисады (стр. 77) и, возможно, на какие-то районы к северу от Гиндукуша (стр. 78). Последнее предположение, высказываемое на основании наличия у Менаандра монет аттического стандарта (уникальная тетрадрахма, публикуемая автором — табл. II, 7), представляется малообоснованным. Эпизодический выпуск монет этого стандарта вполне мог иметь место и на территории Гандхары¹⁴. В Бактрии в этот период, видимо, правил наследник Евкратиды Гелиокл. С другой стороны, А. Нарайн стремится ограничить южные пределы государства Менаандра, исключив из них низовья Инда (стр. 93, также 68—69). Но едва ли в данном случае следует игнорировать прямое указание Страбона (XI, 11, 1) о границах греко-индийских владений.

Пятая глава («Упадок индо-греков», стр. 101—127) посвящена попытке автора разобраться в генеалогии и хронологии тех многочисленных греко-индийских правителей, имена которых известны только по монетам. На основании изучения типов реверса монет, чеканенных этими правителями, А. Нарайн делит их на пять групп, полагая, что правители первой группы связаны с Менаандром, второй — с Менаандром и, возможно, с Антимахом I, третьей — с Евтидемом, четвертой — с Евкратидом, а пятая представляет собой особую группу. Опираясь на данные о топографии монетных находок, А. Нарайн приводит сводную таблицу, в которой, к сожалению, не нашел отражения количественный показатель изобилия монетных находок в том или ином районе. Поэтому рецензент счел возможным ввести для района Газни цифры, указывающие количество монет того или иного правителя, на основании находок в Мир-Закахе и для Таксилы на основании работ Д. Маршалла. Хотя приведенная А. Нарайном таблица и является неполной, с введением количественного коэффициента она послужит ценной опорой при дальнейших исследованиях. Высказываемые А. Нарайном предположения о возможных генеалогических связях тех или иных правителей представляют большой интерес, но, как и мнения, развиваемые другими исследователями, являются сугубо гипотетическими. Преждевременным является выделение монет неупомянуемого в письменных источниках Евкратиды II (стр. 107). Возможно, требует дальнейшего исследования вопрос о наличии двух Гелиоклов, в котором А. Нарайн полностью следует за Р. Уайтхэдом¹⁵.

Заключительная глава (стр. 128—164) посвящена последним индо-греческим правителям и их взаимоотношениям с индо-сакскими государями. Рассматривая вопрос о продвижении на юг кочевых племен (саков и юечжей), А. Нарайн пользуется новыми переводами древнекитайских хроник. Интересно соображение А. Нарайна о возможности существования «Эры Менаандра» (стр. 144). Новым является сообщаемый им факт о наличии медных монет Мауэса, перечеканных Аполлодотом (стр. 145).

Четыре приложения о термине явана, о серах и фризах Страбона (XI, 11, 1), о локализации Сагалы и об исторической значимости источника *Yuga Purāna*

¹⁴ Так, уникальная драхма Аполлодота I Сотера, чеканенная по аттическому стандарту, по типам аверса (слон) и реверса (зебу) явно принадлежит гандхарскому чекану.

¹⁵ Whitehead, Notes..., стр. 211—214.

(стр. 165—179) служат существенным дополнением к книге, так же как и обширный библиографический список (стр. 181—190).

Книга А. Нарайна, несомненно является, ценным исследованием, к которому будут обращаться историки, изучающие древнейшее прошлое Индии, Афганистана и Средней Азии. К сожалению, в книге рассматривается только политическая история, и это ее весьма обедняет. А. Нарайн специально подчеркивает, что он не касается истории культуры (Preface, стр. VIII), о чем нельзя не пожалеть. Но еще более странно игнорирование вопросов истории экономики и общественной жизни. Спору нет, разработка этих вопросов крайне затруднена состоянием источников, но А. Нарайн, владеющий индийскими письменными источниками, вполне мог бы остановиться на них. В равной мере, являясь вполне подготовленным нумизматом, автор мог бы остановиться и на вопросах денежного хозяйства, которые забывают почти все исследователи, увлекающиеся эффектной внешней стороной смены одних правителей другими.

В. М. Массон